

Илья Муромец и Сокольник (3)

Жили, хранили Киев-град двенадцать богатырей. Из них, конечно, старший-то был Илья Муромец.

Как они столицу хранили, было ли, нет ли, кто его знает. Подъезжал один богатырь и стрелки постреливал

к воздуху, и не давал падать на землю, подхватывал. Вызывал их поратиться, а богатыри в шатре были.

Потом они стали беседовать: «Кого нам послать за богатырем етим?» Стали выбирать, кто бы мог

поехать: «Послать бы Мишку Торопанюшку: он роду торопливого, незавидь где потеряет свою буйну

голову. Того нужно отставить». Потом послать хотели Алешу Поповича:

«Алеша Попович роду сонливого,

тоже оставить». «Послать, — говорят, — Добрынюшку Никитича.

Добрынюшка Никитич роду вежливого,

сумеет с богатырем съехаться, сумеет честь воздать».

Поехал Добрынюшка Никитич в чистое поле, наезжает на Сокольника. Это Сокольник наезжал.

И закричал он своим громким голосом: «Если русский богатырь, отворот давай, а если не русский,

то напусти держи». А Сокольник не оглянется. До трех раз-то повторял Добрынюшка. Потом поворот дает

Сокольник. Подъезжает к Добрынюшке Никитичу, берет коня его за повод и поворачивает в обратную

сторону. «Поезжай, говорит, обратно. С тобой мне делать нечего. Скажи старому казаку Илье Муромцу

низкий поклон. Никем г<овно>м заменяется, ему старику не поправиться».

[Коня-то ткнул по тыпышу,

добавил по олабышу. От евовного тыпанья лошадь присела.]

Поехал Добрынюшка Никитич ко белу шатру обратно. Подъезжает ко белу шатру обратно, остальные

смотрят. Конь бежит не по-старому, а Добрыня сидит не по-прежнему.

Подъезжает Добрынюшка

и рассказывает старому казаку низкий поклон. «Никем ты г<овно>м

заменяешься, ему, старику, не поправиться».

А мне, старичку, да за беду стало,
За беду ли стало, да за великую,
За великую досаду показалосе,
За великую досаду показалосе.
Могучие плеча расходилисе,
А могучие плеча расходилисе,
Кровь горячая да роскипеласи,
Кровь горячая да роскипеласи,
Очи ясные да возмутилисе:
«Уздайте, седлайте коня, да кóня добренького,
Уздайте, седлайте коня, да кóня добренького!»
Уздали, седлали коня да со семи цепей.
Уздали, седлали коня да со семи цепей.

Он тогда вот и сказал: «Не удастся, гыт, вам горшка скипятить, я привезу татарску буйну голову».

Не видно было старого: на коня скочил,
Да только винно было: в струмина ступил,
А не винно было поездки молодецкией,
Только видно было: в чистом поле курева стоит,
Только винно было: в чистом поле курева стоит,
Курева-де стоит, да дым столбом валит,
У коня-то из роту да пламя мечится,
У коня-то из ноздрей да искры сыплются,
У коня-то хвост да он столбом стоит.
Нагонил старой да на Сокольничка,
Нагонил старой да на Сокольника,
Закричал он своим да громким голосом,
Закричал он своим да громким голосом:
«Если русский богатырь, оворот давай,
Если русский богатырь, оворот давай,
А не русский богатырь, ты напуст держи!»
А на это Сокольник не оглянется,
[А] на это Сокольник не оглянется,
А стал старóй да всё ругатися,
Стал старóй да всё ругатися,
Стал ругатися да всё бранитися:

«Ворона ты летишь пустопёрая,
Ворона ты летаишь пустоперая,
Сорока ты летаишь загуменная,
А нас, добрых молодцов, да ты ничем зовешь.
А нас, добрых молодцов, да ты ничем зовешь!»

(Потом я уж немножко, извините, неловко.)

Бились-дрались да целы суточки,
Они бились-дрались да целны суточки,
А не ранились да не кровавились,
А не ранились да не кровавились,
А копейча по насадкам извихнулись,
А копейча по насадкам извихнулись.

Они тогда слезли со добрых коней, стали бороться. Как ни боролись,
старого казака лева нога
подвернулась, упал. Похвально слово его попутало: чем похвалишься, тем и
подавишься. Наскочил тогда
Сокольник на белы груди и махнул его булатом в грудь. Он вроде как крест
носил, то ле в броню попало, —
не мог пробить его.

Вдвое-втрое силы прибыло у Ильи Муромца, он смахнул богатыря и скочил
ему на белы груди.
И тоже махнул он булатом, но рука в локте остоялась, он не мог его убить.
Стал его спрашивать: «Откуда
ты явился, какого ты роду-племени, что не слышно было раньше про тебя?»
А он с достью богатырской
говорит: «Я, когда сидел на белой груди, не спрашивал роду-племени. Уж
ты победил, не расспрашивай».
Но он опять спрашивает. Вынужден сказать: «Сокольник. Мать была
богатырица-паляница, а отца, говорит,
не знаю, какой был отец». Потом, конечно, Илья Муромец сознался ему
отцом. Сокольнику было
тринадцать лет, но чувствовал такую силу, что не мог сидеть, поехал
поратиться.

Илья Муромец спустил Сокольника, но Сокольнику показалось неловко, что
он оказался в <ыблядо>к.

Он поехал и мать убил. *(Так ли оно было, Бог его знает.)* Потом вернулся
обратно, поехал и на отца.

А с битвы Илья ехал, лег в чистом поле отдохнуть, заснул богатырским сном, а коня рядом спустил.

Когда конь богатырский слышал, конь стал копытами землю бить, Илью будить, чтобы на сонного не наехал. Всё же добудился, успел Илья уехать в белой шатер. И нагони Сокольник во белом шатре и наскочил на отца. Тогда Илья наступил на одну ногу и рóзорвал его, прикончил, что нахальный сын его был. *(Больше не знаю, так от стариков слышал.)*

(Зап. Митрофановой В. В.: 28 июля 1956 г., д. Угольное Нарьян-Марского р-на — от Чупрова Фомы Алексеевича, 56 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.